

УДК 316.346.32-053.9:330.12

УКОРЕНЕННОСТЬ СХЕМ ВОСПРИЯТИЯ И БЫТОВЫХ ПРАКТИК СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В ОЦЕНКАХ БЛАГОПОЛУЧИЯ**Рыжкова Марина Вячеславовна**^{1,2},
marybox@inbox.ru**Дукарт Сергей Александрович**^{2,3,4},
dukart@mail.ru**Петренко Максим Степанович**^{5,6},
petmaxim@yandex.ru¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36² Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30³ Сибирский государственный медицинский университет,
Россия, 634050, г. Томск, Московский тракт, 2⁴ Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40⁵ Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52/1⁶ Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского
Томского государственного университета,
Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Советская, 7

Рыжкова Марина Вячеславовна, доктор экономических наук, заведующий Лабораторией психологической и финансовой безопасности человека в цифровом мире, профессор кафедры экономики Института экономики и менеджмента Национального исследовательского Томского государственного университета; профессор Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета.

Дукарт Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент Бизнес-школы Национального исследовательского Томского политехнического университета; доцент кафедры экономики, социологии, политологии и права Института интегративного здравоохранения Сибирского государственного медицинского университета; доцент кафедры экономики Экономического факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.

Петренко Максим Степанович, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой экономики, международных отношений и права Факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления; доцент кафедры общественных наук Новосибирского юридического института (филиала) Национального исследовательского Томского государственного университета.

Статья посвящена анализу устойчивых схем восприятия и бытовых практик старшего поколения и их влияния на субъективную оценку социального благополучия. Описывается опыт проведения глубинного интервью, на основе которого были выявлены нарративные переживания, связанные с прошлым социальным опытом. Это позволило реконструировать комплекс предрасположенностей пожилых людей и описать повседневные социальные практики, сложившиеся в период детства респондентов. Логика и содержание глубинного интервью были направлены на установление связи между оценкой уровня текущего благополучия с оценкой уровня жизни в период формирова-

ния личности респондента. **Актуальность** обусловлена необходимостью расширения фактологической и методологической базы исследования проблемы благополучия пожилых людей в разные исторические периоды. Общей методологией послужили научные принципы структурного конструктивизма, утверждающие существование устойчивой зависимости между представлениями агента и приобретенными в прежние годы диспозициями. **Цель:** проверка гипотезы, что восприятие существующей реальности и оценка уровня благополучия старшим поколением являются результатом столкновения сформированных предыдущим опытом и укорененных в сознании стереотипов мышления и бытовых практик с новой социальной реальностью и ожиданиями общества. **Результаты:** пожилые люди в целом высоко оценивают собственное благополучие, сравнивая его с послевоенным десятилетием. Вспоминая то время, респонденты обращают внимание на упорный труд, отсутствие интенсивной конкуренции, высокую роль государства в решении бытовых проблем. Выявлены рационализация суждений и новые объясняющие шаблоны, направленные на примирение сложившихся моделей восприятия с ожиданиями окружающих.

Ключевые слова: благополучие, бытовые практики, стереотипы восприятия, послевоенное поколение, укорененность шаблонов поведения.

Введение. Методология и методика исследования

Проблема оценки благополучия традиционно рассматривается с точки зрения объективного и субъективного подходов. Если в первом случае исследователи оперируют экономическими показателями, измеряют уровень материальных благ, то во втором – акцент делается на субъективную оценку индивидом уровня собственного благополучия. В этой ситуации возможно несовпадение самоидентификации индивида и восприятия его со стороны других. В результате этого не редки случаи, когда по формальным критериям бедные люди себя таковыми не ощущают, поскольку оценивают собственное материальное благосостояние по иным критериям, чем тем, которые в данный момент приняты в обществе. Когда люди принадлежат к разным поколениям, такое случается особенно часто. Поэтому стандарты благополучия, сложившиеся в прошлые годы, могут оказаться укоренены настолько, что происшедшие изменения в мире оказываются незначимыми для этой категории людей. В сознании людей возникает своего рода «трансформирующая призма», которая ведет к искажению поступающей извне информации, почему поведенческая реакция со стороны кажется неадекватной.

Классическая и неклассическая экономические теории рассматривают экономическое поведение как рациональное и автономное социальное действие, независимое от исторически сложившихся социальных отношений и устойчивых социальных практик. В противовес этому подходу существует группа научных теорий, которые говорят об укорененности социальных практик [1]. Сторонники такого подхода считают, что сформированные в прошлые годы модели поведения не только создают известные ограничения для свободного выбора, но и объективно тяготеют к воспроизводству сложившихся поведенческих моделей, несмотря на изменение экономических условий.

Французский социолог Пьер Бурдьё утверждал, что система диспозиций (предрасположенностей), приобретенных в прежние годы, является своего рода ментальным ядром человеческого сознания. Именно она порождает и структурирует практику агента и его представления. Предрасположенности устойчивы, поскольку они, хотя и способны изменяться в процессе личного социального опыта, глубоко укоренены в сознании, и в силу этого пытаются сопротивляться возникающим изменениям, обеспечивая тем самым определенную преэминентность в жизни личности, сохраняя ее идентичность [2]. Однако необходимость взаимодействия с другими людьми, действующими в изменившихся социальных условиях и обладающих иными предрасположенностями, вынуждает условно «старшее» поколение корректировать свои реакции, чтобы избежать ненужного конфликта. При этом полный отказ от укорененной в сознании и года-

ми проверенной схемы восприятия с возрастом становится все менее возможен. Столкновение с непривычной и непонятной ситуацией, препятствующей воспроизводству системы диспозиций, создает угрозу не только самому ментальному ядру личности, но и его идентичности, угрожая разрушить его понимание себя и его собственной жизни, понятной и осознанной все предыдущие годы.

Формирование устойчивых моделей поведения наиболее интенсивным образом происходит в детском возрасте. Именно тогда складываются субъективные представления о должном. Со временем они могут меняться, но в ситуации катастрофического развития событий, когда происходит внутренний мировоззренческий конфликт, высока вероятность своеобразного отскока назад к тем шаблонам восприятия и поведения, когда мир был понятным, мировоззрение – целостным и непротиворечивым.

У современного старшего поколения схемы восприятия такого рода формировались преимущественно в послевоенное десятилетие, что ставит перед исследователями задачу изучения укорененных схем восприятия и бытовых практик, сложившихся во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. Это позволяет лучше понять отношение пожилых людей к современным бытовым и экономическим проблемам, а также их оценку собственного благополучия.

Изучению воспоминаний старшего поколения о послевоенном времени посвящено большое количество работ, однако проблема нестыковок в суждениях респондентов и мемуаристов не получила должного рассмотрения за некоторым исключением [3]. Чаще всего речь идет о совмещении отрицательной оценки содержания своих воспоминаний и общего положительного вывода, о чем уже писали в современной научной литературе филологи, специально изучавшие воспоминания о детстве как самостоятельный литературный жанр [4]. Такого рода нестыковки объясняются культурной травмой поколения «детей войны» [5] и выработкой пассивных индивидуальных стратегий совладания с этой травмой, которые ряд исследователей характеризует как приспособление к болевым ощущениям, которое ведет, в свою очередь, к формированию механизма рутинизации травмы [6]. С этим связана и проблема ностальгии по прошлому, которая сформировалась в условиях социальной катастрофы, сопровождавшей распад СССР. Как пишет Л. Мазур, «ностальгия по утраченному после социальной катастрофы трансформирует психологическую реакцию, свойственную старшему поколению, в ностальгию по катастрофам» [7, p. 213].

Рабочая гипотеза исследования. Восприятие существующей реальности старшим поколением, поведенческие реакции на внешние социальные раздражители являются результатом столкновения устойчивых, сформированных предыдущим опытом и укорененных в сознании стереотипов мышления и шаблонов поведения с ожиданиями общества. Чтобы избежать конфликта во взаимодействии с другими людьми и сохранить при этом собственную систему диспозиций, старшее поколение стремится видоизменить не сам паттерн, а искать для себя новое объяснение, которое бы не противоречило сложившейся схеме видения и деления мира.

Цель исследования. В рамках апробации предлагаемой методологии выявить и описать схемы восприятия и поведенческие паттерны группы пожилых людей, которые в ходе саморефлексии облекаются в новую вербальную оболочку. Объектом исследования являются пожилые люди старше 73 лет, чей уровень и качество жизни существенно изменился за прожитые годы. Предметом выступают схемы восприятия и поведенческие паттерны, под которыми понимаются устойчивые модели поведения в стандартных ситуациях.

В ходе подготовки работы было взято интервью у 24 пенсионеров (19 женщин, 5 мужчин). Респондентам предлагалось вспомнить ранние годы их жизни и ответить на ряд вопросов, касающихся повседневных практик, а также уровня жизни и субъективной оценки благополучия. Для обеспечения максимальной достоверности и открытости респондента взять интервью было поручено их близким родственникам (внукам и детям). Ответы на вопросы давались в виде свободного рассказа о прошлой жизни. При этом интервьюеры имели четкий круг вопросов, которые они задавали, направляя рассказ в нужное русло.

Вопросы были сгруппированы вокруг тем, отражающих когнитивные и поведенческие установки в обычной повседневной жизни пожилых людей: потребление товаров и услуг; трудовая деятельность; образование; доход; бытовые условия проживания и др.

Отдельным блоком шли вопросы, где респондентам предлагали самим оценить качество своей жизни тогда и сейчас, попытаться сделать выводы о том, насколько опыт прошлой жизни сказывается на их действиях и поведении в современных условиях.

Выявить устоявшиеся стереотипы, схемы, шаблоны поведения можно только путем глубокого взаимодействия исследователя и респондента, предполагающего создания атмосферы, способствующей пониманию «действий» другой стороны в условиях специфической исторической ситуации на базе рефлексии и саморефлексии акторов [8]. Важным элементом работы было то, что интервьюеры должны были не только уточнять детали, но и предлагать респондентам отразить сказанное, сравнить высказанные мнения и дать им собственное объяснение. В инструкции для интервьюера прописывалось, что в ходе исследования ему необходимо поставить своего пожилого родственника перед фактом существующего противоречия между жизненным опытом и реальной действительностью и предложить ему самому объяснить, почему оно возникло, аргументировав свою позицию. Тем самым участники интервью вынуждены были сами прибегать к экстраординарной интерпретационной работе. Свою роль здесь сыграл дополнительный фактор, не предусмотренный изначально. Как выяснилось в ходе проводимых бесед, у респондентов оказался достаточно высокий образовательный уровень, что облегчило им самоанализ. Таким образом, самостоятельная интерпретация событий со стороны непосредственных участников не только превращала их в субъектов исследования, но и в процессе обработки давала дополнительный ценный материал (таблица).

Таблица. Структура респондентов по уровню образования

Table. Structure of respondents by level of education

Уровень образования Level of education	Число респондентов Number of respondents	Представители профессий Representatives of professions
Неполное среднее Lower secondary	2	Почтовый работник, экспедитор Postal worker, forwarder
Среднее/Secondary	2	Строитель, повар/Builder, cook
Среднее профессиональное Secondary vocational	10	Заведующая детским садом, электромеханик, экспедитор, библиотекарь, лаборант, музыкант Kindergarten manager, electrician, supply specialist, forwarder, librarian, laboratory assistant, musician
Высшее/Higher	9	Инженер-строитель, инженер-химик, учитель, оператор, бухгалтер Civil engineer, chemical engineer, teacher, operator, accountant
Ученая степень Academic degree	1	Нейрохирург высшей категории, заведующая реабилитационным отделением Neurosurgeon of the highest category, head of the rehabilitation department

Весь рассказ записывался на аудионоситель, затем дешифровывался. Однако обработка и анализ полученного материала осуществлялись уже авторами данного исследования, которые не только систематизировали полученные результаты, но попытались найти скрытые смыслы, обращая внимание на то, как излагались события и факты (последовательность, интонация, хронометраж и т. д.). Эмоциональная окраска подаваемой респондентом информации, полнота описания того или иного события, очередность подаваемых фактов рассматривались как основание для выявления значимости для него тех или иных нарративов.

Таким образом, важным приемом исследования было провоцирование переживания при столкновении нормы и антинормы, а также смены их векторов в исторической динамике. Это стимулировало респондентов на саморефлексию и поиск собственных интерпретаций прошедших событий и сегодняшних норм.

Анализ полученных эмпирических данных

Субъективная оценка уровня жизни современных пенсионеров во многом строится на основе сравнения с тем уровнем жизни и потребления, который существовал в период их детства и юности. Несмотря на то, что среди населения России в возрасте до 40 лет преобладают критические настроения и значительная часть людей жалуется на низкий уровень доходов [9], большинство опрошенных пенсионеров считают, что сейчас живется хорошо. Это подтверждается и общероссийскими социальными исследованиями. Поясняя свой ответ, респонденты обращали внимание на то, что сейчас есть все необходимое для нормальной жизни. Нет дефицита, в легком доступе любые товары, хорошая пенсия. *«Большого достатка нет, но всё равно всё хорошо, не жалею»*. Такая оценка обусловлена существованием низких запросов. Ведь их уровень жизни в период формирования мировоззрения оставался весьма низким. В воспоминаниях людей о послевоенном времени преобладает тема бедности и голода. При этом подчеркиваются позитивно оцениваемые черты эпохи, такие как помощь семье, товарищество, взаимопомощь и поддержка [10]. Не случайно в мировоззрении людей того времени прочно закрепились традиции аскетизма и «экономического минимализма», что нашло отражение в особенностях семейного воспитания, воспроизводимого в процессе интервью, взятого разными исследователями социологами [11].

В послевоенное десятилетие население ориентировалось на удовлетворение лишь базовых потребностей в еде, одежде, жилье. В настоящее время эти потребности в большей части удовлетворены. В середине 1950-х гг., когда респондентам было 7–14 лет, среднемесячная зарплата в СССР составляла в 700–800 рублей в городе. Это соответствует примерно 30 тыс. руб. в настоящее время. Наиболее высокий доход в первой половине 1950-х гг. наблюдался у научных работников и преподавателей высшей школы, ИТР, высококвалифицированных рабочих и врачей. Например, на Кузбассе по итогам III квартала 1952 г. среднемесячная заработная плата составила:

- рабочие – 1188 руб.;
- ИТР – 1709 руб.;
- служащие – 762 руб.;
- учителя – 531 руб.;
- врачи – 1210 руб.;
- средний медперсонал – 552 руб. [12].

При этом основная часть населения имела очень низкие доходы. В 1955 г. в СССР 42,6 % всех рабочих и служащих, или 18,5 млн чел., получали заработную плату менее 500 руб., что являлось ниже среднемесячной по стране [13]. В деревне ежемесячный

доход был существенно ниже – всего 440–480 руб. Встречалось немало фактов, когда на заводах, ЛПХ, в МТС, в подсобных предприятиях и строительных организациях зарабатывали по 100–200 рублей в месяц [14]. В рассматриваемый период это было чрезвычайно мало. На эти деньги можно было купить на рынке только 10 кг мяса или один хлопчатобумажный костюм. Оценка уровня жизни большинства респондентов определялась наличием собственного хозяйства и наличием/отсутствием отца-хозяина. *«Трудновато жилось. Мама одна и трое детей, нужно было всех накормить и одеть. Отца ведь уже не было, на войне погиб, поэтому всем приходилось нелегко». «Хорошо... (жилось), потому что отец не ушел на фронт, жили в своем доме, было свое хозяйство и продукты». «Жили своим хозяйством. Всё было своё. И я считаю, нужды то не было большой. Работали. Дед был бондарь, делал бочки. Был как обмен. Дед поставлял бочки совхозам, а они высылали зерно. Хлеб сами пекли. Жили, можно сказать, хорошо, не бедствовали».*

С точки зрения большинства опрошенных, наличие продуктов и одежды уже считалось достатком. Такая оценка обусловлена существованием низких запросов. Ведь их уровень жизни в период формирования мировоззрения оставался весьма низким. Это связано с крайне низким уровнем жизни населения в деревне, где проживало в то время подавляющее большинство населения. Большинство респондентов родились и выросли в деревне, что в целом отражает положение дел. В СССР сельское население преобладало над городским вплоть до 1962 г. Поэтому основная часть современных пенсионеров не знала относительно благополучной по тем меркам городской жизни.

Возможно, именно поэтому большинство опрошенных пенсионеров считают, что сейчас живется хорошо. *«Сейчас нормально, сейчас даже никакого сравнения нет с той жизнью, что была. Сейчас мы живем нормально, а в то время бедно. Да потому что у нас достаток есть, я получаю пенсию, дети получают зарплату, а раньше денег люди не имели».*

Крайняя материальная скудость, нехватка средств, особенно наблюдавшаяся в деревне, обусловили невысокую роль магазинов в повседневной жизни человека. Большая часть опрошенных респондентов заявила, что в магазин ходили не часто, так как у большинства людей было свое хозяйство, да и не в каждой деревне был магазин. Покупали лишь то, что не могли сделать своими руками, например керосин, соль, спички, ткань. Мебель и посуду делали сами, сами шили одежду.

«В то время в магазины ходили редко. Уже подростками с подружками ходили ночью занимать очередь за хлебом, чтобы досталось. Овощи сами выращивали, делали всякие заготовки. Одно время у нас даже была корова, но недолго, так как был большой налог. Какая у нас была мебель дома? Не помню ничего фабричного. Под ноги коврики круглые из тряпок делали, бабушки вязали крючком. Кровати были железные, столы, табуретки дед сам делал, да и сани деревянные он делал. Одежду перешивали, сами шили. Ну, тарелки, кастрюли были».

Сейчас респонденты единодушно отмечают легкость получения и доступность свежих продуктов питания.

«Продукты в магазине не такие уж и дорогие, можно пойти и купить».

Однако старые привычки самостоятельного выращивания продуктов и их домашнего консервирования обрели новую вербальную трактовку.

«В наше время выращивают много продуктов питания искусственно. Намного лучше, когда выращено в собственном огороде». «Ну а куда без заготовок, своё оно всегда вкуснее».

Понятие «роскошь» у большинства респондентов ассоциируется с отсутствием нужды.

«Сейчас в целом время роскоши, и никто ни в чем не нуждается, как мы в свое время нуждались, поэтому все, что сейчас есть, на мой взгляд, можно назвать роскошью. Но для нынешней молодежи это простая обыденность. Я вот в детстве мечтала о большом холодильнике, который всегда будет забит едой, о хорошей одежде и о сухом теплом месте, где можно спать. Теперь все есть».

При этом в послевоенное десятилетие не у всех были даже элементарные с современной точки зрения предметы. Даже керосиновые лампы были не у всех (для тех, кто жил в глухой деревне). В основном люди шили сами себе одежду, покупать её в магазине считалось роскошью. Но и швейная машинка не у всех была в доме. Предметами роскоши также считались мотоциклы, велосипеды, машины, гармонь, баяны.

Появление в семье предмета длительного пользования считалось событием, его очень бережно использовали.

«Протирали от пыли часто, хранили в шкафчике и сверху накрывали или тряпками, или кружевными салфетками».

Сейчас эти бытовые предметы не являются ни роскошью, ни дефицитом, как в послевоенный период. Однако бережное отношение к ним сохранилось с юных лет.

Все опрошенные люди имеют в доме новейшие электроприборы, но массово выражают недовольство тем, как современная молодежь относится к ним. Пожилым людям не нравится, сколько времени проводит современная молодёжь за гаджетами. Многие отмечали, что молодежь относится к технике небрежно, воспринимают сложные приборы и устройства как должное и обыденное.

В таком отношении к технике особенно рельефно проявляется влияние устойчивых схем восприятия, сформировавшихся в детстве и ранней юности и укоренившихся в последующие годы, на современные повседневные практики, связанные с использованием бытовой техники.

Труд в послевоенное время считали осознанным долгом, работали не только за деньги или из-за необходимости выжить, но и из-за желания быстрее восстановить страну.

«Трутней не уважали тогда, да и не было их как-то».

«В то время работали все, а после войны-то особенно всё восстанавливали. Надо было. Работали и работали, не покладая рук».

Респонденты отмечают, что работать начали очень рано (до 16 лет, некоторые и в 6–7 лет). Учиться особо было некогда. С необходимостью полноценно работать пожилые люди связывают позднее приобретение профессии, при этом получение образования принято было сочетать с работой.

«Очень рано, учиться тогда некогда было. Сначала на полях, маме помогала. Смотря какие годы, вообще работать начала рано. Когда замуж вышла, тогда учиться отправили, на лаборанта выучилась на курсах, тогда работа полегче была».

Ключевыми паттернами, закрепившимися в сознании послевоенного поколения, стали самостоятельность, чувство долга и ответственности за себя, свою семью и свою страну. Отсюда непонимание и часто неприятие поведения современной молодежи. *«Новое поколение, за исключением умных детей, считает, что им все должно «предподноситься на блюдечке». Мы же вкалывали, чтобы выжить, получить образование, утвердиться в жизни». «У молодёжи просто нет необходимости рано начинать работать, как их родители, потому что они живут в достатке».*

«Молодое поколение получает профессию, но по специальности не работают. У нас не хватает медиков, учителей».

Труд занимал важное позитивное место в сознании основной массы советских людей. Трудиться было почетно, особенно в деревне. Крестьяне, по собственным наблюдениям характеризовавшие свою жизнь как время, проведенное в работе, придавали труду особое значение, наполняя его дополнительными ценностными смыслами.

В крестьянской среде трудом считалась не любая работа. Труд был наполнен нравственным содержанием, поэтому оценка характера труда и, следовательно, отношение к нему зависели от его направленности. Труд ради выживания, ради удовлетворения базовых потребностей, а также труд ради общего дела был ценен и уважаем. Деятельность ради наживы, изворотливость и хитрость, как инструменты личного обогащения, попытки прожить за чужой счет, а также лень, безделье вызывали негативную реакцию, всячески осуждались и даже наказывались. Не случайно отношение к так называемым «шабашникам» в деревне было отрицательное. Они воспринимались как люди, стремящиеся к легкой наживе, и значит, в понимании крестьян были «лодырями» и бездельниками, хотя объем выполняемой работы «шабашниками» часто превосходил объем выполненных работ самими крестьянами.

В основе такого неприятия «шабашников» и тех, кто жил «себе на уме», лежали иная система взглядов и другая трудовая этика, которые сформировались в условиях господства общинных традиций, когда задачи выживания объективно были важнее стремления к преуспеванию. В России не сложилось протестантской трудовой этики с присущей ей фигурой «self-made man», человека, который «сделал себя сам», добился успеха, славы и богатства своими собственными силами. При неразвитости индивидуалистических ценностей «self-made man» воспринимался большинством как выскочка, который делает свою карьеру, «идя по головам» [15].

Чтобы понять мотивацию колхозника, которая во многом сохраняется и в наши дни среди пожилых людей, следует обратиться к его работе в собственном хозяйстве. Главным мотивом трудовой деятельности здесь выступает стремление к естественному жизнеобеспечению, а не максимизация прибыли. Карл Полаanyi назвал такую экономику субстантивной [16]. Можно выделить два ключевых фактора, обусловивших сохранение высокой интенсивности труда в колхозе за минимальное вознаграждение. Первый – ориентация на существующие нормы, которые занимали прочное место в сознании крестьян. Как объясняли свое поведение сами колхозники: «Работали, потому что надо было работать». «А кто будет работать?». «Чем скотина виновата, чтобы стоять ей некормленной и неухоженной» [17]. При проведении опросов среди пожилой части селян, помнивших послевоенные годы, ни один не сказал о внутреннем протесте. Не было выявлено ни одного факта, когда крестьяне воспринимали свою работу в колхозе как эксплуатацию со стороны государства.

Экономическое поведение трудно представить без соответствующей конкурентной борьбы. Она заняла прочное место в современной жизни. Старшее поколение признает это, полагая, что «сейчас конкуренция сильнее, чем в прошлом, так как люди стали образованнее, стремятся к лучшей работе, большой зарплате и хотят двигаться вверх по карьерной лестнице». Однако эмоциональное отношение к конкуренции со стороны старшего поколения несколько отличается от понимания его основной частью современного населения. Высокая степень персонифицированности в межличностных коммуникациях, исторически сложившаяся в прежние годы, подталкивает пожилых людей рассматривать конкуренцию сквозь призму моральной психологии. Часть опрошенных считает, что дело не столько в конкуренции, сколько в том, что «люди стали злее». И это не удивительно. В условиях широко распространенной практики взаимопомощи, отличавшей послевоенные годы, конкуренции не было места. Поэтому многие респон-

денты прямо заявили, что конкуренции раньше не было. В лучшем случае говорят о конкурсе при поступлении в вузы и техникумы.

Одной из существенных проблем прежних лет оставалась проблема жилья. Люди жили в бараках, коммуналках, по несколько семей на съемных квартирах. *«Жили в землянке. Делали каркас, забивали его камышом, а потом обмазывали». «Жили мы в баракке сначала. Барак этот был на несколько семей, и дверь этого барака не закрывалась, там и нечего было брать».*

Несмотря на развертывание в стране строительной программы, огромная часть населения оставалась без благоустроенного жилья. По официальным данным на декабрь 1956 г. в г. Новосибирске в среднем на одного жителя приходилось 3,9 м² жилой площади [18]. В послевоенные годы проблемы жилищного строительства носили не финансовый характер. Жилье не покупали. Его либо давало государство, либо его строили сами. Большинство опрошенных сказали, что дом строили своими силами. При этом им помогали даже соседи и просто незнакомые люди. В Сибири это называлось «помочью», под которой понималась практика коллективного безвозмездного строительства дома всей деревней одной семье. За хозяевами закреплялся лишь обычай угощения всех работников, включая неработающих членов их семьи. Она сохранялась в ряде мест, преимущественно отдаленных, вплоть до 1970-х гг. Один из респондентов заявил: *«Колхоз строил дома, и в первую очередь сдавали эти дома передовикам производства».*

Изменившееся в настоящее время положение дел к лучшему положительно оценивается всеми респондентами. Они отмечают, что сейчас много возможностей, которых не было раньше: те же стройматериалы, инструменты, которых в прежние годы было не достать. Однако многие обращают внимание на существование финансовых проблем, связанных с приобретением жилья, критически высказываясь по поводу ипотеки или кредитов, вгоняющих людей в долговую кабалу.

«Стало не проще, наоборот, тяжелее: ипотеку взял, да и купил квартиру, но потом 15 лет в кабале. Раньше проще было (получал квартиру от предприятия и из зарплаты не вычитали за это)».

Интересно проследить отношение пожилых людей к вопросам справедливости на примере получения жилья. Часть респондентов говорит о том, что на жилье надо зарабатывать, и это справедливо. Но 10 респондентов напрямую упоминают несправедливость современного способа получения жилья, никак это не обосновывая. *«Если разобраться, это вроде как несправедливо, но другого выхода иметь жилье нет».* Кажущийся для современного человека диссонанс в суждении не является таковым в сознании старшего поколения. «Заработать на жилье» в советское время означало не добыть денег на дом или квартиру, а честным трудом заслужить право на бесплатное получение жилья от государства или построить его своими силами.

Следует учитывать устоявшееся представление пожилых людей о богатстве. Стремление вырваться из нищеты в город, неудовлетворенность своим материальным положением не сделали богатство высшей ценностью. Большинство респондентов по-прежнему весьма критично относится к вопросам личного обогащения. Примечательно, что представления о богатстве и личном успехе не связываются между собой. Как отметили респонденты, «богатые ничего не добились в жизни, а только воруют бедный народ и за их счет живут в богатстве». Для большинства пенсионеров сложившееся в России имущественное неравенство несправедливо. Ведь раньше «все были одинаковы». «Кто трудился «от зари до зари», тот и жил хорошо».

Одно из главных противоречий, которое удалось обнаружить и подтвердить в ходе интервью, связано с оценкой роли государства в жизни пожилого человека. С одной стороны, присутствует вера в справедливое, заботящееся о пожилых государство, которое не бросит, поможет в виде пенсий, пособий, бесплатной медицины, даст бесплатную квартиру и т. д., но, с другой стороны, во всех рассказах красной линией проходит мысль о том, что только собственными силами тогда справлялись и сейчас можно справиться с трудностями. Предложение объяснить этот парадокс оказалось одним из самых трудных заданий для испытуемых: большая часть оказалась не в состоянии это сделать. У тех же, кто все-таки попытался, сработал механизм психологической защиты – и концепт «плохое государство» был заменен на «плохие чиновники», которых должны «наказать» «хорошие чиновники». Такого рода реакция на возникающие антиномии наблюдалась на протяжении всего интервью. Тем самым в ходе исследования наглядно была подтверждена гипотеза, что когнитивные и поведенческие реакции старшего поколения на существующую реальность обусловлены взаимодействием паттернов с фоновыми ожиданиями общества, которые заставляют во избежание конфликтов во взаимодействии с другими членами общества видоизменять не сам паттерн, а изменять вербализацию паттерна в собственных глазах.

Выводы

Таким образом, в ходе исследования была обнаружена высокая оценка старшим поколением собственного благополучия. Это обусловлено низкими запросами пожилых людей, которые в период своего детства постоянно сталкивались с тяжелыми условиями жизни, рано начинали работать. Сформированные в ранний период жизни устойчивые схемы восприятия и стандарты поведения породили в сознании людей возникновение так называемой «трансформирующей призмы», которая приводит к искажению поступающей извне информации и, как следствие, формирует «нелогичную» с точки зрения современного человека поведенческую реакцию [19]. Столкновение прошлого позитивно воспринимаемого социального опыта с новыми представлениями о жизни и стандартами потребления способствует возникновению у пожилых людей когнитивного диссонанса, что ведет к потенциальному конфликту между разными способами восприятия реальности, старого и нового. Предыдущий жизненный опыт старшего поколения приводит к формированию и закреплению неких «автоматизмов» в качестве определенной реакции на появление новых внешних раздражителей. Необходимость взаимодействия с измененным историческим временем обществом заставляет корректировать проявление этой реакции во избежание прямого конфликта. Происходит своеобразная рационализация суждений и поиск иных объясняющих шаблонов, что находит свое выражение в новой вербализации традиционных паттернов, направленных на примирение сложившихся моделей восприятия с ожиданиями окружающих.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН № 21-510-92007 ВАОН_а «Влияние регионального технологического пространства на качество жизни пожилого населения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 3. – С. 44–45.
2. Коркюф Ф. Новые социологии. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002. – 172 с.
3. Ромашова М.В. Репрезентация советского детства в мемуарной литературе XX и XXI веков // Вестник Пермского ун-та. Серия «История». – 2005. – № 5. – С. 56–65.

4. Кормазина О.П. Воспоминания о детстве: особенности жанра в аспекте возрастных различий рассказчиков // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 4. – С. 283–289.
5. Баранова В.А., Донцов А.И. Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 29–46.
6. Кучева А.В., Мордвинцева В.С. Повседневная жизнь советского человека в послевоенный период (40–50-е годы XX века): основные стратегии выживания и преодоления травмы // Технологос. – 2019. – № 3. – С. 73–83.
7. Mazur L. Golden age mythology and the nostalgia of catastrophes in post-Soviet Russia // Canadian Slavonic Papers. – 2015. – V. 57. – Iss. 3–4. – P. 213–238.
8. Garfinkel H. Studies in ethnomethodology. – New York: Englewood Cliffs, 1967. – 288 p.
9. Парма Р.В. Социологическое измерение недовольства в современном российском обществе // Власть. – 2022. – № 4. – С. 133–135.
10. Емельянова Т.П. Память детства: особенности воспоминаний поколения «детей войны» // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. – М.: Институт психологии РАН, 2017. – С. 1943–1949.
11. Мысливец Н.Л. Память о прошлом в семейных воспоминаниях: из опыта социологической рефлексии // Социологический альманах. – 2020. – Вып. 11. – С. 67–75.
12. Боровикова З.В. Изменение структуры и уровня доходов и расходов населения Кузбасса во второй половине 1940-х – 1950-е годы // Вестник Кемеровского гос. ун-та. – 2015. – Т. 3. – № 1. – С. 121–127.
13. Иванова Г.М. Проблема материального благосостояния населения СССР и стратегия социального реформирования в 1950-е годы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16. – № 3. – С. 137–145.
14. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 2396. Л. 5.
15. Латов Ю. Антикапиталистическая ментальность россиян – барьер на пути к легализации // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 3. – С. 64–70.
16. Радаев В.В. Экономико-социологическая альтернатива Карла Поланьи // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007. – С. 164–173.
17. Коллектив колхозников. Социально-психологическое исследование / под ред. В.Н. Колбановского. – М.: Мысль, 1970. – 288 с.
18. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-88. Оп. 1. Д. 994. Л. 147.
19. Петренко М.С., Дукарт С.А. Специфика формирования и трансформации оценки общественного благополучия в контексте междисциплинарных исследований образа коммунизма // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2021. – № 4 (43). – С. 45–64. DOI: [https://doi.org/10.18799/26584956/2021/4\(43\)/1132](https://doi.org/10.18799/26584956/2021/4(43)/1132).

Поступила: 20.08.2023.

Принята после рецензирования: 28.09.2023.

PERCEPTION SCHEMES AND HOUSEHOLD PRACTICES OF THE OLDER GENERATION IN ASSESSMENT OF WELL-BEING

Marina V. Ryzhkova^{1,2},
marybox@inbox.ru

Sergey A. Dukart^{2,3,4},
dukart@mail.ru

Maxim S. Petrenko^{5,6},
petmaxim@yandex.ru

¹ National Research Tomsk State University,
36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russia

² National Research Tomsk Polytechnic University,
30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russia

³ Siberian State Medical University,
2, Moskovsky tract, Tomsk, 634050, Russia

⁴ Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics,
40, Lenin avenue, 634050, Tomsk, Russia

⁵ Novosibirsk State University of Economics and Management,
52/1, Kamenskaya street, Novosibirsk, 630099, Russia

⁶ Novosibirsk Law Institute (branch) of Tomsk State University,
7, Sovetskaya street, Novosibirsk, 630007, Russia

Marina V. Ryzhkova, Dr. Sc., head of the Laboratory of Psychological and Financial Human Security in the Digital World, professor, National Research Tomsk State University; professor, National Research Tomsk Polytechnic University.

Sergey A. Dukart, Cand. Sc., associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University; Siberian State Medical University; associate professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.

Maxim S. Petrenko, Cand. Sc., associate professor, Novosibirsk State University of Economics and Management; associate professor, Novosibirsk Law Institute (branch) of Tomsk State University.

*The article is devoted to the analysis of stable patterns of perception and household practices of the older generation and their influence on the subjective assessment of social well-being. The experience of conducting an in-depth interview is described. On this basis a narrative experiences associated with past social experiences were identified. It allowed reconstructing the complex of predispositions of older people and describing the everyday social practices developed during the respondents' childhood. The logic and content of the in-depth interview was aimed at establishing a link between the assessment of the level of current well-being with the assessment of the standard of living during the period of the respondent's identity formation. **The relevance** of the research is caused by the need to expand the factual and methodological base for studying the problem of well-being of older people in different historical periods. The general methodology of the study was based on the scientific principles of structural constructivism, which assert the existence of a stable dependence between the agent's perceptions and dispositions acquired in previous years. **The purpose** of the study was to test the hypothesis that the perception of the existing reality and assessment of the level of well-being of the older generation are the result of the collision of stereotypes of thinking and patterns of behavior formed by previous experience with the new social reality and expectations of society. **Results.** Old-*

er people generally rate their own well-being high, comparing it with the post-war decade. Remembering that time, respondents reveal an attitude for hard work, avoiding tough competition, and also the high role of the state in solving everyday problems. The rationalization of judgments and new explanatory patterns are aimed at reconciling existing models of perception with the expectations of others.

Key words: well-being, household practices, perception schemes, post-war generation, ingraining behavior patterns.

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and VAON no. 21-510-92007 VAON_a «The influence of the regional technological space on the quality of life of the elderly population».

REFERENCES

1. Granovetter M. Ekonomicheskoe deystvie i sotsialnaya struktura: problema ukorenennosti [Economic action and social structure: the problem of rootedness]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2002, vol. 3, no. 3, pp. 44–45.
2. Corcuff F. *Novye sotsiologii* [New sociologies]. Moscow, Institute of Experimental Sociology Publ.; St. Petersburg, Aletheya Publ., 2002. 172 p.
3. Romashova M.V. Reprezentatsiya sovetского detstva v memuarnoy literature XX i XXI vekov [Representation of Soviet childhood in memoir literature of the 20th and 21st centuries]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya»*, 2005, no. 5, pp. 56–65.
4. Kormazina O.P. Vospominaniya o detstve: osobennosti zhanra v aspekte vozrastnykh razlichiy rasskazchikov [Memories of childhood: features of the genre in the aspect of age differences in storytellers]. *Voprosy psikhologingvistiki*, 2016, no. 4, pp. 283–289.
5. Baranova V.A., Dontsov A.I. Kollektivnye vospominaniya i kulturnaya travma raznykh pokolencheskikh grupp [Collective memories and cultural trauma of different generational groups]. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo*, 2019, vol. 10, no. 2, pp. 29–46.
6. Kucheva A.V., Mordvintseva V.S. Povsednevnyaya zhizn sovetskogo cheloveka v poslevoenny period (40–50-ye gody XX veka): osnovnye strategii vyzhivaniya i preodoleniya travmy [Everyday life of a Soviet person in the post-war period (40–50s of the XX century): basic strategies for survival and overcoming trauma]. *Tekhnologos*, 2019, no. 3, pp. 73–83.
7. Mazur L. Golden age mythology and the nostalgia of catastrophes in post-Soviet Russia. *Canadian Slavonic Papers*, 2015, vol. 57, Iss. 3–4, pp. 213–238.
8. Garfinkel H. *Studies in ethnomethodology*. New York, Englewood Cliffs, 1967. 288 p.
9. Parma R.V. Sotsiologicheskoe izmerenie nedovolstva v sovremennom rossiyskom obshchestve [Sociological dimension of discontent in modern Russian society]. *Vlast*, 2022, no. 4, pp. 133–135.
10. Emelyanova T.P. Pamyat detstva: osobennosti vospominaniy pokoleniya «detey voyny» [Childhood memory: features of the memories of the generation of «children of war»]. *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya sovremennoy psikhologii: rezultaty i perspektivy razvitiya* [Fundamental and applied researches of modern psychology: results and prospects of development]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ. house, 2017. pp. 1943–1949.
11. Myslivets N.L. Pamyat o proshlom v semeinykh vospominaniyakh: iz opyta sotsiologicheskoy refleksii [Memory of the past in family memories: from the experience of sociological reflection]. *Sotsiologicheskii almanakh*, 2020, Iss. 11, pp. 67–75.
12. Borovikova Z.V. Changes in structure and rate of income and spending of Kuzbass population in 1940–1950s. *Bulletin of the Kemerovo State University*, 2015, vol. 3, no. 1, pp. 121–127. In Rus.
13. Ivanova G.M. The problem of material wellbeing of the population in the USSR and the strategy of social reforms in the 1950s. *News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2014, vol. 16, no. 3, pp. 137–145. In Rus.
14. *Tsentri dokumentatsii noveyshey istorii Tomskoy oblasti (TSDNITO). Fond 607. Opis 1. Delo 2396. List 5* [Documentation Center of the modern history of the Tomsk region. Fund 607. Inventory 1. File 2396. Sheet 5].
15. Latov Yu. Antikapitalisticheskaya mentalnost rossiyan – baryer na puti k legalizatsii [Anti-capitalist mentality of Russians – a barrier to legalization]. *Neprikosnovenny zapas*, 2003, no. 3, pp. 64–70.
16. Radaev V.V. Ekonomiko-sotsiologicheskaya alternativa Karla Polani [Economic and sociological alternative to Karl Polanyi]. «*Velikaya transformatsiya*» Karla Polani: *proshloe, nastoyashchee, budushchee*

- [«The Great Transformation» by Karl Polanyi: past, present, future]. Moscow, State University-Higher School of Economics Publ., 2007. pp. 164–173.
17. *Kollektiv kolkhoznikov. Sotsialno-psikhologicheskoe issledovanie* [A collective of collective farmers. Social psychological research]. Ed. by V.N. Kolbanovskiy. Moscow, Mysl Publ., 1970. 288 p.
 18. *Gosudarstvenny arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO)* [State Archive of the Novosibirsk region Fond P-88. Opis 1. Delo 994. List 147. Fund P-88. Inventory 1. File 994. Sheet 147].
 19. Petrenko M.S., Dukart S.A. Specificity of formation and transformation of assessment of public well-being in the context of interdisciplinary research of communism image. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2021, no. 4 (43), pp. 45–64. In Rus. DOI: [https://doi.org/10.18799/26584956/2021/4\(43\)/1132/](https://doi.org/10.18799/26584956/2021/4(43)/1132/).

Received: 20 August 2023.
Reviewed: 28 September 2023.